

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА – И ВСЕГДА (ЕЩЕ РАЗ О МОДУСАХ ВРЕМЕНИ)

С. М. Белякова

Тюменский государственный университет

Поступила в редакцию 18 ноября 2017 г.

Аннотация: в статье на материале, извлеченном из Национального корпуса русского языка, рассматриваются представления о феноменах прошлого, настоящего и будущего, характерные для носителей современной русской лингвокультуры. В качестве конкретных языковых фактов анализируются контексты с лексемами «вчера», «сегодня» и «завтра». Целью работы стало определение общих представлений об этих модусах времени, их соотношения, взаимозависимости, выявление метафор, применяемых для их описания. Анализируемые модусы описываются при помощи следующих типов метафор: пространственная (самая распространенная), визуальная, артефактная. Они наиболее характерны для объективации будущего.

Ключевые слова: русский язык, лексика, семантика, модусы времени, метафоры, континуальность.

Abstract: the article discusses mental images of the past, present and future phenomena characteristic of modern speakers of Russian. The study draws on the data from the Russian National corpus: contexts with tokens «yesterday», «today» and «tomorrow» are analyzed as representations of mental images of modes of time, their relations and interconnections. Metaphoric verbalization of these mental images is also analyzed. The three time modes are described by a set of metaphors. Spatial metaphors are the most frequent. Visual and artifact metaphors are used predominantly to describe the future mode.

Key words: Russian language, vocabulary, semantics, modes of time, metaphors, continuity.

Феномен времени давно привлекает внимание представителей самых разных наук: от классической физики до психологии. В силу своей многогранности он представлен разными сущностями, как философской и физической (а также метафизической), так и бытовой. Кроме того, следует согласиться с мнением, что «время – одна из самых важных категорий для манипуляции сознанием» [1, с. 56]. Изучение временной парадигмы – чрезвычайно актуальная задача: оно «позволяет выявить национальные особенности самополагания во времени, что особенно важно при моделировании будущего – в политическом, социальном и собственно культурном плане» [2, с. 141]. Не остаются в стороне от исследования данного феномена и лингвисты: список работ, посвященных различным аспектам языковой рефлексии времени, составляет не одну тысячу наименований. Внутри этой обширной темы можно выделить определенные «узлы», наиболее существенные моменты, привлекающие к себе внимание и в то же время, на наш взгляд, не вполне удовлетворительно описанные. Среди них проблема реализации в языке (его лексическом составе) трех модусов времени: прошлого, настоящего и будущего; их специфики, соотношения, взаимозависимости. (Данное явление называют также ипостасями времени, см., например, [2], однако такое на-

именование, на наш взгляд, менее предпочтительно в силу своей нетерминологичности.) Наш интерес к этой проблеме не нов, частично она была рассмотрена в статье, посвященной субстантивам *настоящее* и *будущее* [3]. В настоящей работе изучению подвергаются основные реализации всех трех модусов – лексемы *вчера*, *сегодня* и *завтра*. В качестве основного источника использованы материалы Национального корпуса русского языка (сайт www.ruscorpora.ru, основной подкорпус), они были дополнены примерами из составленной нами картотеки. Корпус содержит 14 388 документов и 46 025 вхождений со словом *вчера*, 25 437 документов и 105 777 вхождений со словом *сегодня* и 8558 документов и 42 675 вхождений со словом *завтра* (последняя дата обращения – 15.01.2018). Таким образом, налицо явная количественная диспропорция в реализации модусов времени, особенно отчетливо выделяющаяся на уровне вхождений. Этот показатель дает нам примерно одинаковое количество употреблений лексем *вчера* и *завтра* и превышающее их почти в 2,5 раза число примеров на лексему *сегодня* (омонимия не устранена). Эти первые наблюдения позволяют сделать вывод о большей важности феномена настоящего как реального модуса по сравнению с прошлым и будущим (ирреальными модусами). С одной стороны, этот вывод выглядит не только логичным, но и тривиальным. Однако с другой – это не совсем так, учитывая

особенности данного модуса, его «текучесть», неуловимость, парадоксальность, на которые обращают внимание многие исследователи.

Далее следует обратить внимание на наличие у рассматриваемых лексем семантического варьирования. В этом плане они ведут себя совершенно одинаково, имея тождественный набор значений. Приведем эти данные с опорой на Малый академический словарь.

Вчера, нареч. 1. В день, предшествовавший текущему дню; накануне. // В ближайшее прошедшее время, в недавнем прошлом.

2. *В знач. сущ.* День, предшествовавший текущему. // Недавнее прошлое (Т. 1, с. 242).

Сегодня, нареч. 1. В текущий день. // В настоящее время, теперь.

2. *В знач. сущ.* Настоящий, текущий день. // То, что существует, имеется сейчас; настоящее (Т. 4, с. 68).

Завтра, нареч. 1. На следующий день после сегодняшнего. // В недалеком будущем, скоро.

2. *В знач. сущ.* Следующий день за сегодняшним. // Ближайшее будущее.

Не сегодня завтра – очень скоро, в ближайшем будущем (Т. 1, с. 505).

Как мы видим, в словарных статьях объединены наречия с двумя значениями (строго говоря – второе является семантическим оттенком, но для удобства описания будем считать их разными значениями) и существительные с аналогичным набором значений. Обозначим их следующим образом: Н1, Н2, С1, С2. (Вопрос о том, корректно ли объединение в рамках одной словарной статьи слов разной категориальной принадлежности, здесь обсуждаться не будет.)

Каждый из этих семантических комплексов, приведенных в словарной статье, был рассмотрен нами, прежде всего, с точки зрения реализации отдельных значений, их количественного соотношения. Для этого было проведено по две выборки, каждая составляла 100 документов. Итог можно представить в виде следующей таблицы.

	Н1	Н2	С1	С2
ВЧЕРА (всего 426 вхождений)	367	45	7	7
СЕГОДНЯ (всего 427 вхождений)	104	317	4	6
ЗАВТРА (всего 459 вхождений)	322	100	30	7

Если считать полученные данные репрезентативными (а разброс количественных показателей, на наш взгляд, позволяет это предполагать), то становится очевидной явная асимметрия в контекстных реализациях значений Н1 и Н2 (последнее, несомненно, является переносным). Если для *вчера* и *завтра* на первом месте находится первое значение, то в случае с лексемой *сегодня* оно уступает место второму. Разумеется, здесь важен характер контекстов: в речи

бытовой, обиходной (диалоги в художественном тексте, форумы и т. п.) лидирует значение Н1. И тем не менее «расширительный» семантический потенциал наречия *сегодня* демонстрируется многократно. См., например: *Бродский сегодня – это Есенин наших дней* (Форум, 2005); *Мифы живут – сегодня и вечно* (С. Телегин, 2011); *...отечественная словесность сегодня переживает очередной расцвет* (С. Оробий, 2013). Сочетание обоих значений может быть реализовано в одном контексте, правда, довольно широком (при этом, на наш взгляд, без специального стилистического задания): *Сегодня трудно найти тот род занятий, где не добивались бы вы успехов наравне с мужчинами, а подчас и опережали бы нас. (...) Поверьте, я это говорю не только потому, что сегодня ваш праздник* (А. Быков, 2013).

Минимально значение Н2 реализует наречие *вчера*: *...то, что вчера, несколько лет назад, было очевидным...* (телепередача, 04.11.2017); *...теперь мир уже не будет таким, каким он был вчера* (В. Кичин, 2001); *...в 2004 году, то есть буквально вчера* (Форум, 2007). При этом последний пример весьма специфичен, так как сочетание *буквально вчера* отражает специфику восприятия времени, его континуальность, скорость изменений окружающего мира.

Далее укажем на имеющиеся в нашем материале особые наречные сочетания (включающие частицы), не отмеченные в словаре. Среди них *еще вчера*, *вчера лишь*, *(как) будто вчера*, *не вчера*, *далеко не вчера*. Особенно продуктивным выглядит первое из них. Несомненно, перед нами дискурсивные слова, отражающие различные оттенки темпоральной семантики. Сочетания *еще вчера*, *вчера лишь* передают, на наш взгляд, субъективное ощущение скоротечности времени и обозначают небольшую временную дистанцию по отношению к прошлому. См., в частности, следующие контексты: *Еще вчера... «деревенские» писатели были эталоном нашей литературы* («Улицы разбитых дверей», 2003); *Звенит под ногою коричневый лист, зеленый и юный вчера лишь* (А. Горюничкин, 2015). *Будто вчера* указывает на актуальность, «свежесть», хорошее состояние объекта: *...до сих пор звучащего так, будто его выпустили вчера* (Н. Зайцева, 2013); *...шеvron будто вчера приклеили* (В. Васильев, 2013). При помощи сочетаний *не вчера*, *далеко не вчера* подчеркивается давность события, длительная история его развития: *Проблемы у БАЗа начались не вчера* (А. Ивантер, 2014); *...сама идея дендритов родилась далеко не вчера...* (А. Черешнев, 2012). Именно частицы позволяют развести значения Н1 и Н2, сделать акцент на последнем. Ср.: *Вчера мы ездили в деревню* и *Еще вчера мы ездили в деревню*. Совершенно очевидно, что в последнем реализуется семантика Н2, а также имплицитно присутствует связь с настоящим.

Темпоральные номинации релевантны для характеристики человека. Так, при помощи иронического *только вчера родился* создается образ человека наивного, некомпетентного, неопытного, и напротив, выражения *не вчера родился (появился)* обозначают его опытность. Ср.: *Для тех, кто только вчера родился, краткое содержание новейшей истории человечества...* (Д. Соколов-Митрич, 2014); *Я не вчера родился, мальчик, – сказал он укоризненно* (М. Петросян, 2009).

Известным фактом современного разговорного языка является ироническое употребление наречия *вчера* (сделать что-либо) для подчеркивания незамедлительности исполнения. Примером такой словесной игры с темпоральными модусами служат многочисленные диалоги типа:

- *Когда надо сделать?*
- *Вчера.*

Сочетания, подобные названным выше, отмечаются и в случае с наречием *завтра*, хотя их значительно меньше: *хоть завтра, завтра же: Могут подпись поставить хоть завтра, но ставят через два месяца* (Т. Гурова, 2014); *Завтра же спрошу у начальницы, решил я* (А. Кириллин, 2013).

Есть несколько направлений обыгрывания этого наречия. Одним из них является цитирование строчки известной песни времен Великой Отечественной войны: *«Если завтра война, если завтра в поход...»*. Этот прецедентный текст весьма актуален и часто встречается в материале, см., например: *...вдруг вообще завтра война* (переписка, 2008). Трансформированной цитатой стало название повести Б. Васильева, а затем и снятого на ее основе фильма – *«Завтра была война»* (режиссер Ю. Кара, 1987), где мы видим переплетение временных пластов, контраст между их лексическим и грамматическим выражением.

Вторым направлением можно считать использование в речевой практике данного наречия для обозначения нереального события, примером чего служит следующий диалог:

- *Но ты ведь ей расскажешь про розыгрыш?*
- *Ага, завтра* (Д. Донцова, 2004).

Ирреальность будущего отражается и при обыгрывании звуковой структуры слова, ее сближении со словом *завтрак*: *Жила все время ради будущего. Все завтра, завтра – «завтраки» сплошные* (Д. Емец, 2004). Ср. также разговорное *кормить завтраками*, т. е. давать пустые, невыполняемые обещания. Некоторые аллюзии с таким употреблением можно обнаружить и в названии другого известного фильма – *«Приходите завтра»* (режиссер Е. Ташков, 1963), а также в следующем диалоге:

- *Приходи завтра!*
- *Завтра уже прошло!* (В. Хлудова, 2008).

Контексты, в которых данные лексемы реализуются в виде имен существительных (С1 и С2), тоже весьма примечательны. Поскольку в первоначальных выборках таких примеров оказалось очень мало, мы сделали для них дополнительные выборки, позволившие обогатить наблюдения. Субстантивная семантика дает возможность выявить, во-первых, оценочное отношение к тому или иному модусу времени, а во-вторых, метафорическое обозначение этих модусов. В этих целях основное внимание уделялось семантике С2, так как переносное значение максимально информативно в этом плане. Так, в результате анализа определений было установлено, что субстантив *вчера* в основном нейтрален и сочетается, главным образом, с притяжательными (или другими) местоимениями: *мое сегодня так похоже на мое вчера* (Ю. Домбровский, 1958); *для них не было никакого вчера* (М. Тырин, 2014); *мы искушеннее сличаем свое сегодня и вчера* (В. Бондаренко, 2004). См. однако: *безнадежное вчера* (Н. Дежнев, 2009). Субстантив *сегодня* дает больше возможностей, демонстрируя и положительное и отрицательное отношение к этому временному показателю: *...трудно любить такого ближнего..., особенно сейчас, из безопасного сегодня. (...) ...видятся мною сейчас, из моего окаянного и покаянного сегодня, а тогда и не замечались вовсе* (М. Палей, 1987). И наконец, *завтра* максимально реализует аксиологический потенциал: оно может быть *светлое, радужное, далекое, не слишком определенное и к тому же откладывающееся*. В некоторых контекстах явственно слышится оттенок иронии: *светлое завтра пляжного волейбола* (Д. Кувичка, 2001), возможно, отсылающий нас к советизму *светлое будущее* (о нем мы подробно писали в предыдущей статье).

Что касается метафор, то они составляют следующий набор:

- визуальная: *Мое сегодня так похоже на мое вчера* (Ю. Домбровский, 1958); *«Вчера» в книжке или на экране телевизора кажется значительнее и значимее «сегодня» за окном* (О. Балла, 2013); *...и даже были приметки, чуть-чуть разъясняющие морок этого завтра* (Улья Нова, 2004);

- пространственная: *Скажи, есть какие-то вещи, люди, явления из вчера и позавчера, которых тебе сегодня по-настоящему не хватает?* (А. Зимин, М. Семеляк, 2012); *В завтра должны попасть обе Индии* (Е. Пахомов, 2013); *Прямо здесь может запросто открыться дверь в далекое завтра* (В. Пелевин, 2011); *...мыслями уже пребывал в этом светлом завтра* (Д. Емец, 2004); *IDF становится небольшим «окошком в завтра» компьютерной отрасли* (М. Попов, 2004); *Вы не можете находиться в сегодня, не находясь одновременно во вчера и завтра* (А. Подорога, 2010);

– артефактная: *И нет вчера, сегодня и завтра, есть единая ткань времени и пространства...* (В. Кючарьянц, 2011).

Особенно активно метафоризации подвергается модус будущего, что легко объясняется его неизвестностью. Справедливо, на наш взгляд, наблюдение Е. И. Сухиной о пространственной близости настоящего и будущего [2, с. 149], что иллюстрируется наличием сочетаний *дверь в завтра, окошко в завтра*.

Следует подчеркнуть, что аксиологический и образный потенциалы субстантивированных наречий, рассматриваемых здесь, по нашим данным, гораздо ниже таких потенциалов субстантивированных причастий/прилагательных, т. е. лексем *настоящее* и *будущее*. Видимо, адъективная семантика «в анамнезе» продолжает оказывать влияние на развитие судьбы слова.

Далее обратим внимание на тот факт, что в материале постоянно встречается сочетание двух или всех трех модусов времени, т. е. их связь осознается носителем языка вполне отчетливо. Среди клишированных конструкций особенно употребительна следующая: *X: вчера, сегодня, завтра*, причем она часто выступает в виде заголовка статьи или книги, слогана какого-либо мероприятия, что выводит ее в сильную позицию. Например: *Микроэлектронный САПР: вчера, сегодня, завтра* (А. Стемпковский, 2015); *...тематика будет русская кухня, что-то типа Новосибирск: вчера, сегодня, завтра* (Форум, 20013); *Побывал и на конференции МХАТ вчера, сегодня и завтра* (В. Давыдов, 2004). Пример другого рода: *...созданное вчера считалось дурным завтра, и создавалось сегодня то, что было уничтожено вчера* (В. Алексеев, 2007). Зачастую такие сочетания отмечаются в текстах, непосредственно посвященных размышлению о природе времени, континуальности, «текучести» модусов, см.: *Газета – это чистая поверхность, на которой записаны все события, происшедшие в границах повседневного миража времени: вчера / сегодня / завтра* (В. Подорога, 2010). Здесь показательно словосочетание *мираж времени*, как раз и отражающее в образном виде непостижимость темпоральной относительности. См. также: *Часы бьют двенадцать, и, казалось бы, только еще начинавшийся и так много обещавший день превращается в безнадежное «вчера», а его место занимает это самое «завтра», от которого, как показывает опыт, можно ждать любых неприятностей* (Н. Дежнев, 2009). Подобные размышления могут быть сформулированы в виде вопроса, в том числе и лингвистического характера: *Как же это один и тот же день может называться сначала «завтра», потом «сегодня» и, наконец, «вчера»?* (Лингвистические задачи, 2007); *Почему кирпичи для постройки гаража, купленные тобой вчера, которые попадут в кладку*

сегодня и которые будут верой и правдой служить завтра, для тебя – суть одно? (Т. Соломатина, 2011). Смысл заключается в формуле: разное = одно, т. е. разные модусы являются проявлением одной сущности. Весьма красноречив и следующий контекст: *Настоящему, чтобы обернуться будущим, требуется вчера* (А. Слаповский, 2009), где вновь отмечается лексема с семантикой призрачности, превращения (*обернуться*).

Сочетание обозначений трех модусов может быть обусловлено не только рефлексией по поводу природы времени. Оно также связывается с мыслями о судьбе нашей страны, парадоксальности российского менталитета. См., например: *...необходимо учитывать в прогнозировании будущего страны для того, чтобы избежать типичного российского парадокса – «созданное вчера считалось дурным завтра и создавалось сегодня то, что было уничтожено вчера»* (В. Алексеев, 2007).

Среди парных сочетаний модусов преобладает «сегодня + завтра» (31 пример), затем – «вчера + сегодня» (20 примеров) и практически нет «вчера + завтра» (1 пример). Таким образом, связующим звеном, или наиболее актуальным модусом является настоящее время. Нужно учитывать также и другие способы лексического выражения модусов прошлого и будущего времени (*в то время, во времена, в середине прошлого века* и т. п.). С учетом этого можно говорить о примерном паритете сопоставления настоящего как с прошлым, так и с будущим. Более того, в тех контекстах, где формально имеется только показатель *сегодня*, имплицитно содержится сопоставление. См.: *К сожалению, много сегодня утеряно* (Ю. Никулин, А. Иванова, 2013) (т. е. было раньше); *Я выросла в то время, получила образование, стала тем, кто я есть сегодня* (там же).

Среди клише «сегодня + завтра» (Н2) часто встречаются и обыгрываются известные советизмы – выражения типа *Сегодня он играет (лабает) джаз, а завтра родину продаст*. В нашем материале отмечен также следующий пародийный пример: *Сегодня парень в бороде, а завтра – где?* (В. Аксёнов, 2007). Часто сочетания этих двух модусов используются для подчеркивания контрастов, изменяющейся жизни: *Может, сегодня я Костя, не спорю, а вот завтра я – президент!* (С. Носов, 2015); *Сегодня это прикол, а завтра, глядишь, законодательная инициатива* (Г. Тарасевич, 2013); *Пускай сегодня мы еще студенты, мы завтра настоящие врачи!* (А. Моторов, 2013). Это же значение может реализоваться и в сочетании «вчера + сегодня» (также Н2): *То, что было превосходным вчера, сегодня уже устарело и никуда не годится* (А. Марков, Е. Наймарк, 2014); *Вчера – престоупление, сегодня – бизнес* (С. Алексиевич, 2013). И в то же время связь настоящего с прошлым осоз-

нается как нечто необходимое, а разрыв между ними – как аномалия. В этом плане очень показателен следующий небольшой текст: *Мы приходим в сегодня из вчера. Это неделимо. И другого способа жить из вчера в сегодня нет. (...) Между вчера и сегодня лежит ночь* (Г. Щербакова, 2002). Связь (и одновременно противопоставление) настоящего и прошлого квалифицируется как «первичная временная дихотомия» [4, с. 15], возникшая и оформившаяся в языковых структурах ранее других. Примечательно и то, что осмысление этой диалектической связи происходит в разных сферах духовной жизни общества: *Разрыв между вчера и сегодня в журналистике существует прежде всего в нашем воображении...* (Т. Каминская, 2013); *Мой учитель, режиссер Юрий Завадский, повторял нам слова своего учителя, Вахтангова: «В театре нет сегодня – есть из вчера в завтра»* (А. Бородин, А. Архангельский, 2015). Отметим также определенную «недостаточность» *сегодня*, необходимость перспективы: *Тот, кто старается угадать настроения сегодняшнего дня, в этом дне и останется: завтра будет новый взгляд на мир...* (О. Балла, С. Оробий, 2013).

Такое положение с реализацией наречия/существительного *сегодня* может трактоваться, с одной стороны, как отражение центрального места переживаемого момента (отрезка времени) в жизни человека, а с другой – определенной зависимости данного модуса от других, необходимости постоянного сопоставления его с ними. Подчеркнем еще раз и продуктивность переносного значения (Н2) в рассмотренном материале.

Таким образом, полученные данные привели нас к следующим выводам относительно лексического воплощения трех модусов времени в современных текстах.

Все модусы, несомненно, важны для языкового сознания русских и активно отражаются в текстах, хотя каждый из них имеет свою специфику. При этом сопоставление различных лексических реализаций континуальности времени, т. е. субстантивов *настоящее* и *будущее* [3], с одной стороны, и *вчера*, *сегодня*, *завтра* – с другой, позволяет говорить о большей метафоричности первого ряда, использовании разнообразных типов метафор, что особенно характерно для феномена будущего. В то же время подтвердился сделанный нами ранее вывод о «зависимости» настоящего времени, специфика которого выявляется, как правило, на фоне или в сопоставлении с другими модусами, чаще всего с прошлым.

Лексемы (или лексические комплексы) *вчера*, *сегодня*, *завтра* в русском языке имеют одинаковые структуры, объединяя в себе параллельные наборы адъективных и субстантивных значений. Однако их реализация в речи специфична, в этом плане большую

близость обнаруживают модусы прошлого и будущего. Особенно ярко выглядит сдвиг в сторону реализации переносного значения Н2 у слова *сегодня*, при этом контексты зачастую выглядят довольно однотипно.

Что касается специфики отдельных модусов, то прошлое (*вчера*) способно восприниматься как набор самых разных его оттенков (в том числе и с использованием сочетания *вчера + позавчера*), передавать иронию (это же относится и к наречию *завтра*) и очень часто неразрывно связано с настоящим. В рассмотренном материале не выявлено языковых признаков мифологизации прошедшего времени, о чем говорят многие исследователи, см., например, [5; 6]. Вероятно, адъективная семантика основного значения лексемы *вчера* затрудняет этот процесс.

Будущее чаще других модусов имеет метафорическое воплощение, особенно при помощи пространственной и визуальной метафор (последняя может отражать «затрудненное зрительное восприятие»). Размышляя о способах познания будущего [7], а также определенного воздействия на него и несколько отступая от рассматриваемого материала (но не от темы), приведем яркий факт наличия в русском языке глагола *загадывать* (с пометой «разговорное») в значении «предполагать, замысливать, собираться что-либо сделать», т. е. в конечном итоге – «планировать». Языковые факты свидетельствуют о негативном отношении к такому подходу, см., в частности, пословицы из словаря В. Даля *Не загадывай в год, а загадывай в рот; Далеко вперед не загадывай*, а также диал. *Загад не бывает богат* или общеупотребительное *Не будем загадывать*. Здесь отражены суеверные представления, что в этом случае желаемое может не сбыться. Интуитивная опасность планирования (или, точнее, не вполне рационального «загадывания») может считаться одной из характеристик традиционного русского образа мира (в конечном итоге, о чем бы мы ни писали, – «это все о нем»).

И наконец, настоящее – связующее звено дискретно представленного времени, его нерв – выступает как наиболее парадоксальный модус, характеризующийся неуловимостью и вместе с тем максимальной онтологической значимостью. Этот модус амбивалентен в плане аксиологии, его оценка также обусловлена фоном, на котором он рассматривается.

Следует подчеркнуть, что при отчетливом восприятии темпоральных модусов как различных сущностей носители русского языка ощущают их тесную взаимосвязь, неразрывность, единое течение времени, что часто обыгрывается в текстах при помощи парадоксального употребления данных наречий, несовпадения лексической и грамматической семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седакова И. А.* Заметки о языке, который нас окружает : прошедшее в настоящем / И. А. Седакова // *Язык. Личность. Текст* : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. – М., 2005. – С. 565–576.

2. *Сухина Е. И.* Три ипостаси времени : прошлое, настоящее и будущее в современном русском самосознании / Е. И. Сухина // *Вестник МГУ. Сер. 19.* – 2005. – № 1. – С. 141–154.

3. *Белякова С. М.* Настоящее и будущее в русском лингвокультурном пространстве / С. М. Белякова // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* – 2016. – Т. 18, № 1 (148). – С. 224–235.

4. *Кравченко А. В.* Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке / А. В. Кравченко // *Известия АН. Сер.: Лит. и яз.* – 1996. – Т. 55, № 3. – С. 3–24.

5. *Калиткина Г. В.* Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке / Г. В. Калиткина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – 296 с.

6. *Савельева И. М.* История и время : в поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Языки славянской культуры, 1997. – 800 с.

7. *Рейхенбах Г.* Философия пространства и времени / Г. Рейхенбах. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с.

Тюменский государственный университет
Белякова С. М., доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания
E-mail: smbelyakova@gmail.com
Тел.: 8 (3452) 59-74-44

Tyumen State University
Belyakova S. M., Doctor of Philology, Professor of the General Linguistics Department
E-mail: smbelyakova @gmail.com
Tel.: 8 (3452) 59-74-44